

Аветик Исаакян

ПЕРЧ ПРОШЬЯН

Это имя я услышал впервые, когда мне было лет двенадцать-тринадцать и в руки мне попал роман “Сос и Вардитер”. Пишу и снова переживаю то упоение, то удивительное чувство, какое испытывал я при чтении этой книги.

На берегу Арпачая, примостившись на толстой ветке ивы, склонившейся над струями бегущей воды, я глотал страницу за страницей. Все окружающее преобразилось для меня: над головой сияло уже иное солнце, под ногами протекала другая река - Касах, и я бродил по прекрасным садам Аштарака вместе с героем и героиней. Сердце замирало от сочувствия к ним, и слезы мои падали на страницы, рассказывающие о горе несчастных влюбленных.

Затем я прочел с таким же захватывающим интересом роман “Яблоко раздора”. Какой таинственный, волшебный мир он раскрывал перед детской душой!

Оба эти романа стали в то время моими самыми близкими бесценными друзьями. И насколько их герои представлялись мне реальными, живыми людьми, настолько их автор казался неким сверхъестественным существом, сумевшим посредством необъяснимого для меня чуда создать сказочно-волшебный мир.

- Ах, если бы встретиться с этим чародеем! Где он живет? - думал я. - Хотя бы только увидеть его! Возможно ли это?..

От нашего села до города Ани - совсем недалеко, и там мне случалось бывать почти каждый год. Как же велика была моя радость, когда в том же году в Ани я встретил людей, приехавших из самого Аштарака.

Я стал расспрашивать их о моих любимых героях, об авторе романа. Они сказали, что Сос и Вардитер существуют на самом деле, что Сос их сосед, а что касается Прошьяна, “так он с нами в родстве, а вообще-то он - простой и скромный человек, как наши крестьяне”...

И таким образом, в моем сознании волшебник спустился из мира чудес на землю и стал в один ряд со своими героями.

Прошли годы. В 1892-м в Тифлисе, во дворе Армянского собора, довелось увидеть мне, наконец, Прошьяна. Товарищи указали мне на него. В окружении людей своего возраста, беседуя с ними, он направлялся в дом епархиального начальника. Что-то отцовское, родное было в его облике, казалось, я всегда знал его, и это впечатление живет во мне до настоящего времени.

В марте 1898 года я был в Тифлисе. Только что вышел в свет сборник моих стихов “Песни и раны”. Я лично обходил дома наших знаменитых писателей и почтительно преподносил им свою книгу.

Понес книгу и Газаросу Агаяну. А на следующий день решился пойти к Прошьяну. С волнением в сердце поднялся по ступенькам лестницы, ведущей в его квартиру. Он сидел за письменным столом - работал. Рядом с рукописью лежали большие карманные серебряные часы с толстой цепочкой.

Прошьян перелистал мою книгу - и точно так же, как ранее Агаян - обнял меня, поцеловал в лоб.

- Молодец, - сказал он отеческим тоном, - ты искренно любишь родину. В Шираке только такой поэт и мог родиться! Жаль, однако, дружок, что неправильное правописание портит твои стихи.

Еле сдержав улыбку, я сказал, оправдываясь, так, мол, учили писать в школе.

- Глупостям учили! Даже такого одаренного молодого человека свели с пути истины! Недаром сказано:

безумец бросил камень в колодец - сорок мудрецов не сумели его достать.

Слово мое о нашем безумце Агаяне, ты же знаешь...

Потом он позвал своих детей. В комнату с шумом вбежали две девочки и два мальчика. Замужняя старшая дочь Перчануш жила в Баку. А Проша, старшего сына, не было дома.

- Вот мои младшие, сорванцы! Если сладишь с ними, скажу, что ты настоящий мужчина.

Он представил меня детям в весьма похвальных словах. Бойкие, любопытные ко всему новому, они тотчас окружили меня, засыпали градом вопросов.

Вскоре вернулась с рынка хозяйка дома - худенькая, ласковая женщина с добрыми и грустными глазами.

Меня пригласили к столу. Было время обеда.

Когда мы снова остались одни, Прошьян сказал о жене: - Анна - моя душа, моя опора, - понимает меня как никто другой. Лучшего подарка не могла даровать мне судьба. Без моей Анечки я бы пропал.

Впоследствии я имел много случаев убедиться, что они поистине образцовые супруги, бесконечно любящие друг друга.

Да, Прошьян был редким мужем и внимательным, нежным отцом.

С первой же встречи писатель раскрывался, как прямой, сердечный, простой человек, тесно связанный с народом. Таким он и остался до конца жизни.

После этого я имел счастье много раз встречаться с Прошьяном, часто в обществе Агаяна, Туманяна, Папазяна. Нередко он рассказывал эпизоды из своей жизни, о своих странствиях, вспоминал события прошлого, выдающихся деятелей давних времен. Средоточием его дум и волнений были нужда и беды крестьянские, забота о сохранении и развитии нашей национальной культуры. Его волновали проблемы родного языка и литературы, в нем сразу угадывался человек стойких убеждений, цельная личность. Образная ткань писателя отличалась красочными острыми словечками, пословицами, поговорками, казалось, устами его говорит сам народ, со своим мирозерцанием, со своими взглядами на жизнь, навечно сроднившийся с родной землей.

В 1903 году, путешествуя по Вайоцдзору (Даралагяз), я побывал в селе Ортагехе, или Башгехе - не помню точно, - где селяне показали мне развалины древнего замка, принадлежавшего, по преданию, князю Прошу. Рассказали также, что Перч Прошьян, в бытность свою епархиальным инспектором армянских школ, осмотрел развалины и сказал, что замок был когда-то собственностью его предков - рода Прошьян.

Приехав в Тифлис, я захотел проверить так ли это - решил спросить самого писателя.

- Да, верно, - сказал он. - Разве ты не знаешь, что наш род аштаракских Тер-Аракелянов происходит от рода Прошьян? Это - факт. Но кому ты это докажешь сегодня?

Летом 1904 года, проезжая через Караклис (ныне Кировакан), я узнал, что Прошьян живет здесь на даче с семьей. Я навестил его и остался ночевать. Все были в сборе, за исключением Перчануш.

У них гостил Дереник Демирчьян. И еще барышня из Константинополя, подруга дочерей. Она собиралась ехать в Европу продолжать учение.

Прошьян заметил, что Дереник и приезжая гостья равнодушны друг к другу. Его забота о них была очень трогательна и в то же время забавна.

- Послушай, - сказал он мне таинственно, - эти дети заглядываются друг на друга. Девушка уедет за границу, кто знает в какие руки попадет, кому достанется, жалко ее. Я хочу быть посредником между ними, но они стесняются меня, не раскрывают своих сердец. Надо помочь им объясниться, жалко их. Ты их сверстник, ты можешь это сделать. Если Дереник станет отговариваться - убеди парня. Если девушка будет ломаться - уговори ее.

- Если бы лысый умел врачевать лысых, он сначала подумал бы о своей собственной голове, - ответил я со всей серьезностью.

- Дружок, метко ты сразил меня! Нет, не тебе поручать столь деликатное дело! И долго смеялся над моим ответом.

В сельской тишине Прошьян писал свои воспоминания и занимался переводом "Юности" Льва Толстого.

- Ты любишь Толстого? - спросил он меня как-то.

- Достоевского я больше люблю...

- Подальше от этого лунатика! - перебил меня Прошьян. - И Тургеневу далеко до Толстого, куда там Достоевскому! Толстой - целый океан! Океан!

1904 год был последним годом покоя и счастья в жизни Прошьяна. Прошло еще немного времени, и тяжелые удары обрушились на голову несчастного

старика. Умерла его любимая жена. Старший сын Прош за участие в восстании лейтенанта Шмидта был арестован в Одессе и сослан в Сибирь.

Горько было смотреть на старого писателя. Он вызывал чувство глубокого сострадания. Неутешно, бесцельно скитался он по земле, напрасно ища забвения. Поехал в Европу, но вскоре вернулся. Нигде не находил он покоя. Это была как бы агония души его...

В последний раз я видел Прошьяна в Баку осенью 1907 года. Он приехал погостить у старшей дочери. Подобно бездомному сироте сидел он, сгорбившись, в углу сумрачной комнаты, у печки, подавленный, беспомощный. И даже телом как-то уменьшился. Казалось, предчувствовал свою близкую смерть, как предчувствуют ее старые крестьяне. Желтая кожа, в лице ни кровинки, весь поседел, брови и борода поредели.

Я смотрел на него с глубокой болью, как смотрит сын на одряхлевшего, любимого отца. И в душе был страх, что больше не увижу нашего великого романиста. Слова его звучали как лебединая песнь - скорбь об умершей жене и мученической судьбе сына.

Я старался утешить старика, пробудить в нем надежду на близкую амнистию, на возможное освобождение Проша. Говорил, что сын еще очень молод, жизнь его впереди, таких, как он, ныне сотни тысяч, и как важно, что страдает Прош во имя высокого идеала. Надо гордиться таким сыном...

На прощание от всего сердца поцеловал руку убитого горем отца, доброго, простого человека, который подарил нашему народу столько поистине ценного.

И он тоже меня поцеловал, сказав: "Если бог пожелает, вновь увидимся. Подумываю о возвращении в Тифлис. Кланяйся нашим..."

Прошло не больше месяца. И вот с глубокой душевной печалью встречаю на тифлисском вокзале гроб с телом ушедшего от нас навсегда Перча Прошьяна. Смерть даровала ему умиротворение. Недвижно покоилась белая голова на холодной подушке...

28 августа 1937 г. Севан.